

В Украине православная традиция воинского храма складывается в эпоху казачества в Запорожской Сечи, одновременно с формированием украинских воинских традиций. М. Грушевский всегда подчеркивал, что «казаки были религиозными людьми, воспитаны в вере церкви с лет детских» [2].

Запорожская Сечь не раз меняла место своего расположения, но всегда в центре на майдане стояла церковь, а рядом высокая колокольня. Д.И. Яворницкий, историк украинского казачества, подробно описал Покровскую церковь последней Подпильненской Сечи, ее богатое внутреннее убранство.

В 1690 - 93 гг. в Киеве на средства гетмана И. Мазепы был построен большой каменный храм с колокольней и дворовыми постройками, получивший название Николаевский. Все формы и внутреннее убранство Николаевского собора воплотили великолепие украинского барокко, передали сущность XVIII века - века расцвета украинской культуры. В 1821 году собор передали Военному ведомству, и храм стал символом воинской славы. Здесь служили молебны в память о воинах, погибших за Отечество, а в дни военных побед сюда приходили поставить свечку за упокой души павшего воина безутешные вдовы.

Таким образом, сотрудничество православной Церкви, государства и армии имеет давнюю историю. Патриарх Киевский и Всея Руси-Украины Филарет отмечал, что « провозглашая принцип свободы совести, государство должно видеть в церкви равноправного участника преобразований, которые производит Украина, в том числе и ее Вооруженные Силы, особенно в духовно-моральном и патриотическом воспитании » [7].

Сотрудничество государства, армии и Церкви не означает отказ от мировоззренческих позиций сторон. Религия и атеизм - достижение и достояние человеческой культуры. Они имеют право на существование и нормальное функционирование. Каждый из них формирует у людей, в том числе и у военнослужащих, свою систему нравственных ценностей, взглядов и концепций на окружающий мир, общественные отношения и смысл человеческого бытия. Но главное - воспитание уважения и достоинства личности, благородных помыслов и устремлений, любви к ближнему и готовности защищать Отечество.

Украинская православная церковь твердо стоит на позициях гуманистического обновления духовной жизни общества, противостоит тенденциям национального раскола и вражды, отстаивает нравственность, святость воинского долга, выступает за единство армии и народа. Управление духовно-патриотического воспитания Украинской православной церкви Киевского и Московского патриархатов в Вооруженных Силах Украины и других военных формированиях проводят большую работу по патриотическому воспитанию молодежи.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: воинский храм представляет собой важную составляющую в системе духовного воинского воспитания, а его деятельность осуществляется по следующим направлениям:

1. Духовно-нравственное - осознание воинами высших ценностей, идеалов и ориентиров, социально-значимых процессов и явлений реальной жизни.
2. Историческое - изучение воинами истории государства, понимание его судьбы, своей неразрывности с ним, сопричастности к деяниям предков, особенностей менталитета, нравов, обычаев, верований и традиций народов, героического прошлого различных поколений.
3. Патриотическое - воспитание национального самосознания, почитание национальных святынь и символов, готовности к достойному и самоотверженному служению обществу и государству.

Источники и литература

1. Власовський І Нарис історії української православної церкви. – Т. 1. Репринт. – К., 1998. – С. 332.
2. Грушевський М.С. Духовна Україна. – К., 1994. – С.442.
3. Липинський В. Релігія й церква в історії України //Дзвін. – 1995. –МП. – С. 127–128.
4. Ольжич О. Незнаному Воякові: Заповідане живим. – К., 1994.
5. Севастопольское благочиние: Справочник- путеводитель. – К., 1997.
6. Суворов А.В. Наука побеждать. – М., 1987. – С.27.
7. Филарет Патриарх Київський і Всєї Русі. Господи, куди нам іти? // Військо України. – 1996. – № 3–4.– С.20.

Горюнова Е.А.

ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В КРЫМУ В 1926-1929 ГГ.

Вопрос об аграрной реформе в Украине на сегодняшний день остается одним из актуальных в политике правительства, поскольку колхозно-совхозная система в конце XX века продемонстрировала полную несостоятельность в решении продовольственных проблем. Сокращение посевных площадей, запустение садов и виноградников, массовое уничтожение скота из-за невозможности закупить корма – вот далеко неполный перечень проблем, с которыми столкнулись крымские колхозы и совхозы в 90-е годы, лишившись государственной поддержки. Оставлять сельскохозяйственную отрасль на дотации государства было уже просто невозможно, поэтому руководство страны начинает осуществлять постепенный переход от коллективного землепользования к индивидуальному.

В 20-е годы прошлого века наблюдалась совершенно иная картина – верные заветам Ленина, провозгласившего курс на ликвидацию крестьянина-частника, большевики приступили к объединению крестьян в колхозы, которые призваны были стать образцово-показательными хозяйствами.

Советская историография на протяжении 70 лет убедительно доказывала преимущества колхозно-

совхозной системы перед частниками, практически полностью игнорируя данные о рентабельности индивидуальных крестьянских хозяйств [1]. В 90-е годы позиции многих историков меняются и на основании архивных данных вырисовывается более-менее правдивая картина колхозного строительства, в результате которого крестьянское индивидуальное хозяйство было практически полностью уничтожено. Крымские исследователи во второй половине 90-х обращают внимание на эту проблему, однако их научные изыскания в основном касаются вопросов реализации новой экономической политики в крымской деревне в течение 20-х годов [2].

Для нас наибольший интерес представляет собой политика властных органов накануне массовой коллективизации, т.е. вторая половина 20-х годов (1926-1929 гг.). Именно в это время Советская власть, идя в разрез с экономическими реалиями, начала массированное наступление на крестьян-единоличников с целью вовлечения большей части крымского крестьянства в колхозы.

Цель данной работы – показать политику властей Крыма накануне коллективизации, направленную на ущемление прав индивидуальных крестьянских хозяйств, проанализировать положение существующих совхозов и колхозов и определить их вклад в экономику полуострова.

В 1926 году состоялся съезд колхозов Крыма, который продемонстрировал, что колхозное движение так и не смогло стать флагманом хозяйственной жизни в регионе. Более того, крестьяне категорически не хотели идти в колхозы. Поэтому Крымский обком партии направил в деревню большую группу партийных и советских работников для оказания помощи комячейкам и сельсоветам в деле создания новых колхозов.

Проводившиеся регулярно обследования колхозов показывали отсутствие значительных сдвигов в их деятельности. Так в Джанкойском районе числилось 227 колхозов, из них 4,9% - коммуны, 75,3% - артели, 18,7% - переселенческие товарищества и 1,1% машинные товарищества с коллективной обработкой земли. Из имевшихся в их распоряжении земель обрабатывалось только 43%, чуть более 3% сдавалось в аренду, а 54% пустовало [3]. Подобное положение было характерно и для других районов Крыма.

К 1926 году закончился срок аренды совхозов и они вновь перешли в ведение Наркомзема. При этом материальное положение совхозов ни сколько не улучшилось. Сам наркомзем Крыма Зубиетов отмечал: "Хозяйство совхозов очень медленно продвигается вперед. Я видел таких рабочих этих совхозов, которые богаче самих совхозов. У них есть сотни индюков, свиней, поросят и кур. Когда смотришь на это, то думаешь, что совхоз очень богат. А когда спрашиваешь, – оказывается, не совхоз так богат, а это имущество рабочего. Какая же это база социалистической экономики в деревне?" [4].

Не лучше обстояло дело в 1926–27 годах и в колхозах. Тот же наркомзем Зубиетов летом 1927 года докладывал: "В 1924–26 было зарегистрировано более 1000 колхозов, а сейчас мы имеем 406, остальные распались. Главная причина: уйти на единоличное хозяйство. Более половины колхозов нерентабельны и живут за счет государства. Замечены случаи выхода из артелей после того, как артельное хозяйство пошло крестьянам улучшить материальное положение" [5].

С началом расселения по степной части Крыма жителей малоземельных предгорных районов и горных районов крымская власть получила возможность в массовом порядке создавать земельные общества. Наркомзем Крыма Зубиетов так оценивал эти возможности: "Когда мы ставим вопрос переселения, то стремимся создать хозяйство по новому образцу. При постройке поселков для переселенческих хозяйств мы исходим из наших планов реорганизации крестьянского хозяйства вообще" [6]. Такая целенаправленная политика по созданию земельных обществ действительно имела успех и на 1 июня 1927 года было зарегистрировано более тысячи земельных обществ, в основном в составе переселенцев. Земельные общества создавались при наличии не менее трех крестьянских дворов, пожелавших объединиться для совместного труда. Артели и коммуны, имевшие свои самостоятельные отводы земель, также стали признаваться земельными обществами. Причем они несли ответственность перед государством за правильное использование земельных угодий. Руководящими органами обществ признавались земсоветы, а если территория земельного общества совпадала с территорией сельсовета, то функции земельного совета исполнял сельский совет. Органы власти стремились вводить в состав земсоветов представителей крестьянской бедноты, что порождало недовольство богатых и средних слоев деревни, которые предпочитали отделяться и создавать свои собственные земельные общества. Крымский обком так комментировал подобную ситуацию: "Отмечая тенденцию к выделению зажиточной части деревни в самостоятельные земельные общества и усматривая в этом желание зажиточной части деревни избавиться от последствий общения с беднотой - считать эту тенденцию вредной и недопустимой" [7].

В октябре 1927 года Наркомзем Крыма провел очередное обследование различных секторов сельского хозяйства с целью выяснения их вклада в общий объем производства сельхозпродукции. На основе этих сводок была составлена нижеследующая таблица.

Таблица №1. Доля сельскохозяйственной продукции коллективных и единоличных хозяйств [8].

Категории хозяйств	1924		1925		1926		1927	
	В тыс. руб.	В%	В тыс. руб.	В%	В тыс. руб.	В%	В тыс. руб.	В%
Единоличные	34209	90%	59689,3	92%	57776,2	93%	48416	91.7%
Колхозы	1749	4.6%	2957	4.5%	2359,9	3.8%	2596	4.9%
Совхозы	2022	5.4%	2294	3.6%	1964	3.2%	1780	3.4%

Из данных таблицы видно, что основным производителем сельхозпродукции на протяжении 1924-27

годов выступали именно единоличные хозяйства, а доля колхозов и совхозов не превышала 10%, при условии многочисленных налоговых льгот и дотаций со стороны государства для коллективных форм землепользования.

При этом даже постоянная государственная помощь не могла разрешить проблем в коллективном секторе и повысить доходность колхозов и совхозов. Поэтому жизненный уровень колхозников и рабочих совхозов с каждым годом неуклонно снижался, о чем свидетельствуют данные КрымЦСУ.

Таблица №2. Доходная и расходная часть бюджета рабочих совхозов (в среднем на одно хозяйство) [9].

Статьи дохода	Сентябрь-октябрь 1926 (деньгами)	Февраль-март 1927	Статьи расходов	Сентябрь-октябрь 1926 (деньгами)	Февраль-март 1927 (деньгами)
Зарплата главы семьи	35 р.53 к.	32 р. 24 к	Питание	54 р. 75 к.	57 р. 87 к.
Прочие доходы главы семьи	Нет		Отопление и освещение	2 р. 57 к.	9 р. 36 к.
Зарплата членов семьи	Юр.	7р.36к.	Алкоголь и табак	2р.17к.	2р.01к.
Продажа продуктов собственного хозяйства	27 р.28 к.	18р.64к.	Одежда и обувь	22 р. 14 к.	6 р. 78 к.
Кредит в лавках	18р,42х,	14р,85*.	Культ, и полит расходы	3р.9к,	1р. 75 к.
Продажа вещей и запасов продовольствия	20 к.	1 р. 37 к.	Гигиена и лечение	41 к.	3 р. 47к.
Занято в долг	6 р. 30 к.	6 р.56 к.	Производ. нужды и хозяйство	6 р. 89 к.	3 р. 14 к.
Прочие виды	5 р. 64 к.	4 р.48 к.	Прочие	Юр. 32к.	6 р. 07 к.
Итого	103р. 37к.	90 р. 50 к		102 р. 34 к.	90 р. 43 к.

Как видно из данных таблицы, не только сами совхозы владели жалкое существование, но и их работники не имели свободных средств и еле сводили концы с концами.

Таким образом, вплоть до 1927 года, несмотря на всемерную материальную и политическую поддержку коллективных хозяйств в крымской деревне не смогли стать экономически рентабельными и не выполнили своей главной миссии по обеспечению образцово-показательной социалистической культуры землепользования.

После XV съезда ВКП(б) вопросы коллективизации крымской деревни вышли на первый план и стали объектом пристального внимания со стороны Крымского обкома партии, ЦИК и СНК республики. Первоочередной задачей было объявлено скорейшее завершение землеустроительных работ с целью выделения земель для существующих колхозов и совхозов и образования новых. В ходе проведенного землеустройства колхозы получили в дополнение к имевшимся лучшие земли запасного фонда ГЗИ, ранее предназначенные для репатриантов-татар с Востока. Для расширения колхозов допускались отводы на 25% выше размера средних норм землепользования. Мелкие колхозы подлежали объединению. В результате подобных мер к концу 1927 года колхозы в расчете на одного едока имели посевов в три раза больше, чем индивидуальные хозяйства [10]. Однако колхозы были не в состоянии обрабатывать не только вновь полученные, но даже имевшиеся земли. Наркомзем Крыма в ноябре 1927 года в докладной записке отмечал: "Коллективные хозяйства по-прежнему бедствуют, не хватает инвентаря, а имеющийся растаскивают по домам. Земельные площади наполовину не обрабатываются, низкая урожайность" [11].

В начале 1928 года было проведено очередное обследование имущественного состояния членов колхозов, которое выявило следующие показатели. До вступления в колхоз безземельные крестьяне составляли 47,8%, имевшие свои наделы – 52,16%. Совсем не имели сельхозинвентаря 74,78%, недостаточное количество - 23,17% и только 2% крестьян были обеспечены сельхозорудиями полностью. Безлошадных насчитывалось более 68%, с одной лошадей - 11%, с двумя - 18% , три и более лошадей имели только 2% крестьян [12]. Эти данные наглядно демонстрируют, что в колхозы преимущественно шли безземельные и малоземельные крестьяне, которые не могли вести свое хозяйство самостоятельно. И лишь 2% более-менее самостоятельных крестьян пожелали стать членами колхозов.

29 октября 1928 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление "О выделении земель для образования новых крупных зерновых советских хозяйств". Крыму было предложено выделить под реализацию этого постановления около 60000 гектаров земли [13]. 15 января 1929 года президиум СНК Крымской АССР принял свое постановление "О строительстве зерновых совхозов Крыма", которое предусматривало передачу новым совхозам всех построек и колодцев ГЗИ. Следует напомнить, что ГЗИ принадлежали земли, отведенные для переселения из горных и предгорных районов, поэтому недавних переселенцев следовало вновь определять на другие земельные участки, что вызвало резкое недовольство среди крестьянства.

Однако, несмотря на рост крестьянского недовольства политикой большевиков на селе, Москва требовала от крымских властей в короткие сроки завершить процессы землеустройства и увеличить количество колхозов и совхозов в республике.

11 февраля 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли решение о проведении в Крыму новой земельной реформы с обязательным сплошным землеустройством, при котором привилегированное положение отво-

дилась коллективным объединениям. 15 апреля 1929 президиум ВЦИК утвердил новые нормы крестьянских наделов землепользования в Крыму: в среднем они были занижены на 16%, по спецкультурам - на 5%. В курортных зонах нормы наделения крестьян землей сокращались на 40% [15]. Все свободные земли передавались в ведение колхозов и совхозов. При этом, как отмечал заместитель начальника ОПТУ Нельке, деревенским работникам давались указания довести до сведения крестьян, что "если кто не войдет в коллектив вообще, лишится земли и может искать себе другие источники существования" [16]. Таким образом, в процессе внутриселенного землеустройства, еще до начала массовой коллективизации, крестьян фактически насильно заставляли вступать в колхозы.

В результате отчетно-выборной кампании в колхозах Крыма, проходившей в период с 25 февраля по 1 апреля 1929 года, из колхозов по политическим мотивам было исключено 17% их членов, а удельный вес кохозников-коммунистов возрос с 5 до 21% [17]. Таким способом партия большевиков избавилась от нежелательных элементов в колхозах и подготовила благоприятную почву для коллективизации крымской деревни.

В самом конце 1929 года в Крыму насчитывалось 26 коммун, 59 совхозов, 727 артелей, 767 ТОЗов. Общее количество коллективных хозяйств составляло 1579 единиц, в которых находилось 27% крестьян республики. Колхозы из 10 крестьянских дворов составляли 17,57%, из 11-20 дворов - около 35%, из 21-30 дворов - 24,4%, а коллективные хозяйства объединявшие от 50 до 100 дворов составляли всего 15% [18]. Представители Москвы, побывавшие с инспекционной поездкой в Крыму в 1929 году, докладывали в Москве об успехах колхозного строительства в регионе, что свидетельствовало о "коренном переломе в деревне в сторону социализма". Действительно по темпам коллективизации Крым уверенно занимал лидирующее положение в СССР. По состоянию на 15 мая 1929 здесь было коллективизировано 16,7% всех крестьянских хозяйств, в то время как в Украинской ССР только 5,6%, на Северном Кавказе - 7,2%, в Сибири 4,5% [19].

Такие высокие показатели были обусловлены чрезмерным рвением местных властей в проведении политики партии на селе и в большинстве своем имели негативные последствия. На областной партконференции в июне 1929 один из докладчиков Самединов констатировал: "Мы применяли методы довольно грубые, бывали случаи, когда на собраниях объявляли - или иди в колхоз, или на все четыре стороны... Были случаи, когда применяли бойкот и бойкотировали целые деревни, не давали им продукции, воды и корма, ...относили их к кулацкой группе, лишали права голоса и ликвидировали как кулаков..." [20].

Несмотря на количественный рост коллективных хозяйств (только за полгода с октября 1928 по апрель 1929 количество колхозов возросло в 2 раза - с 621 до 1275), их материально-техническая база к концу 1929 года оставалась на очень низком уровне: большинство посевных площадей оставались необработанными, урожайность была крайне низкой, в результате чего практически все колхозы были убыточными. Приведем выдержки из заключения комиссии Севастопольского райкома ВКП(б) по обследованию коммуны "Безбожник" в июле 1929 года: "Прибыли - никакой, убытка - около 1000 рублей. Основная отрасль хозяйства - виноградно-винодельческая. Низкая урожайность, общая запущенность виноградников, прогрессирующее их ухудшение, текучесть членов". Ничем не лучше была ситуация в коммуне "Ливадийский путь". Как обмечается в заключении комиссии: "В коммуне нет никакого инвентаря, ни живого, ни мертвого, за исключением нескольких лопат. За время работы коммуны с декабря 1928 года был получен кредит на 600 рублей, который был затрачен, главным образом, на приобретение посуды, обмундирования и на наемную рабочую силу. Численность коммуны 21 двор, 101 человек, трудоспособных - 65 человек. Часть членов коммуны выехала в северные губернии в связи с тем, что коммуна не имея никакого дохода, не может прокормить своих членов" [21].

Имущественное положение колхозов-гигантов также оставляло желать лучшего из-за чрезвычайно раздутого аппарата. В частности, стоимость аппарата крупного колхоза (куста) обходилась в среднем 70 тысяч рублей. Например, в Кучук-Узень зарплата председателя составляла 90 рублей в месяц, заместителя - 70, главного бухгалтера - 150, помощника бухгалтера - 100, счетовода - 75, секретаря - 70 рублей. Содержание аппарата этого куста обходилось в 6660 рублей в год, а колхоз давал прибыль около 13 рублей в год [22]. Складывалась удивительная ситуация: затраты только на содержание колхозных чиновников превышали доходы колхоза в 500 раз!

Подобное положение наблюдалось и в других районах республики. Анализируя представленные комиссиями заключения по вопросу коллективизации, заместитель заведующего организационным отделом обкома партии Даутов и заместитель заведующего отделом информации Рубинштейн составили секретное сообщение для членов бюро обкома партии, в котором содержались такие оценки темпов и методов колхозного строительства: "Принуждение бедняцко-средняцких масс к обязательному вступлению в колхозы обостряет их ненависть к коллективизации... По цифровым данным наблюдается якобы рост членов колхозов за счет бедноты, но в то же время снижается удельный вес зажиточных крестьян и середняка. При тщательном анализе этого роста выявлено, что повышение удельного веса бедноты идет за счет внутренней перегруппировки одних и тех же членов, т.е. перехода зажиточных в группы середняков, а середняков - в группы бедноты" [23]. Такой аномалии не знало ни одно государство мира: крестьянство стремилось не к богатству, а к бедности, ибо получение статуса "бедняка" давало значительные экономические и политические выгоды, начиная от низкого налога до получения должности в сельской администрации.

В то же время зажиточные слои деревни подвергались остракизму, обвинялись в антисоветской деятельности, за что их начали выдворять из деревни еще до начала массовой коллективизации.

В октябре 1929 года подобная "охота на ведьм" получила законодательное оформление в виде "Инструкции по очистке коллективных объединений от кулацких и разложившихся элементов", принятая ЦИК

и СНК СССР. Согласно данному документу исключению из колхозов подлежали: а) все кулаки и лишённые избирательных прав по тем или иным признакам; б) все члены, которые сейчас не лишены избирательных прав, но ведут разлагающую работу; в) бывшие нетрудовые элементы, занимавшиеся в прошлом непроизводительным трудом" [24]. Советская власть в очередной раз продемонстрировала "пролетарскую твердость" в борьбе с инакомыслящими и лишила деревню экономически сильной части крестьянства. Расправившись с крепкими индивидуальными хозяйствами, большевики могли приступить к проведению массовой коллективизации с использованием уже апробированных насильственных мер.

Таким образом, проводимая советскими и партийными органами Крымской АССР политика коллективизации села в 20-е годы прошлого столетия не имела успехов. Попытка большевиков создать альтернативу крестьянским хозяйствам в лице колхозов и совхозов оказалась безрезультатной, поскольку коллективные хозяйства так и не смогли сравняться с индивидуальными в производстве сельскохозяйственной продукции. При этом властные органы, не обращая внимания на экономическую несостоятельность намеченных ими преобразований, продолжали расширять земельные фонды коллективных и государственных предприятий, посредством многочисленных налоговых льгот и политического воздействия демонстрировали привлекательность колхозов для крестьян, которые, однако, не торопились расставаться со своим хозяйством. Не добившись поддержки среди основной массы крестьянства, большевики вынуждены были перейти радикальным мерам и приступили к проведению сплошной коллективизации.

Источники и литература

1. Пономарев В.А. Борьба Коммунистической партии за осуществление лешско-сталинских идей кооперирования крестьянских масс. – М., 1948; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1978; Кашенко С.Г. Колхозное движение в Крыму в 1918–1929 гг.: Автореф. дис. – М., 1967; Панченко П.П., Евтушенко А.П. Радгоспи: шлях становлення і розвитку (1917–1980). – К., 1982; История советского крестьянства. – М., 1986; Очерки по истории Крыма. – Симферополь, 1964 и др.
2. Бородин С.В. Аграрные отношения в Крыму (1918-1926 гг.): Автореф. дис...канд.ист.наук.-Запоріжжя, 2000; Маковский В.В. Земельне питання в Кримській АРСР і практика його вирішення в 1920-х роках: Автореф. дис.канд., іст, Наук. – Запоріжжя, 2001.
3. Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК). – Ф.1. – Оп.1. – Д.575. – Л.23–30.
4. Там же. – Ф. Р-30. – Оп. 1. – Д.309. – Л.79.
5. Там же. – Ф.1. – Оп.1. – Д.236. – Л.43.
6. Там же. – Д.252. – Л.54.
7. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.611. – Л.27.
8. ГААРК. – Ф.Р-30. – Оп.1. – Д.234. – Л.5.
9. Бюллетень Крым ЦСУ. – 1927. – №8. – С64 10.; ГААРК. – Ф.1. – ОП.1. – Д.599. – Л.19.
11. ЦГА РФ. – Ф.2313. – Оп.1. – Д.156. – Л.7.
12. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.635. – Л.47.
13. Там же. – Ф.Р-652. – Оп.1. – Д.1475. – Л.2.
14. Там же. – Л.3.
15. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.923. – Л.18.
16. Там же. – Д.926. – Л.18.
17. Центральный государственный архив Российской Федерации (ЦГА РФ). – Ф.2313. – ОП.12. – Д.156. – Л.14.
18. ГААРК. – Ф.1. – ОП.1. – Д.940. – Л.270-275.
19. ГААРК. – Ф.1. – Оп.1. – Д.924. – Л.22.
20. Там же. – Л. 272.
21. Там же. – Д.926. – Л.103,130.
22. Там же. – Д.940. – Л.277.
23. Там же. – Д.924. – Л.22.
24. Там же. – Д.920. – Л.86.

Гришанков В.Г.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ VS. ИННОВАЦИЙ

Современная экономика находится под прессом непрерывных и ускоряющихся изменений: жизненный цикл товаров и технологий сжимается, новые товары, не успев полностью вытеснить старые, встречают конкуренцию со стороны еще более новых товаров. Моральный износ основного капитала и знаний работников и менеджмента, происходящий чуть ли не с момента их возникновения вместе с бременем затрат на разработку и внедрение инноваций вынуждают даже лучшие предприятия балансировать между угрозой банкротства и угрозой развала бизнеса вследствие хаоса нововведений.

В условиях, когда прошлое и даже настоящее перестали играть роль опоры при принятии решений, ценность шаблонной, стереотипной деятельности, даже если эти стереотипы очень сложны, постоянно снижается. Ключевыми фигурами современной экономики становятся творчески-продуктивные личности,